

Евнух Гао с улыбкой произнес:

— Се Ин, вы меня только смущаете. Будьте спокойны: если эта картина понравится императору и императрице, я о вас не забуду. Кстати, что это за живописец такой? Почему подпись стояла просто «Отшельник Линьцюань», да даже нормального имени или прозвания нет? Редко встретишь мастера с таким талантом. Мне следовало бы замолвить за него словечко перед императором. Вдруг тот обрадуется да пожалует ему чин или звание — тогда он будет вам еще более благодарен и впредь напишет для вас еще немало полотен.

Се Ин слегка качнул головой и рассмеялся:

— У этих книжников вечно свои причуды, мне лень снова с ним возиться. К тому же неужели вы, евнух, думаете, что он всегда так прекрасно пишет? Будь это так, он давным-давно прославился бы. Картина далась ему нелегко: он изучил до ниточки все рисунки с красавицей Цуй, пересмотрел неисчислимое множество изображений небожителей, чтобы постичь их дух, да еще и извел целый стоп хорошей бумаги юйбаньсюань. Боюсь, он и сам второй такой не напишет.

Гао Лян бросил на него странный взгляд: «Ты же уверял, что не стоял у него над душой? С чего тогда говоришь, что „возился“ с ним? Откуда знаешь, как заставлял его срисовывать рисунки с красавицей Цуй и картины с небожителями? И почему он, рисуя для себя, извел твою бумагу?»

Се Ин спокойно выдержал его взгляд.

Евнух Гао отвел взор и со вздохом заговорил:

— За всю жизнь сотворить хоть одну подобную картину — уже великая редкость.

Он с уважением относился к образованным людям и не мог поступить как черствый цзиньивэй — запереть человека на два месяца и заставить писать картины. Похоже, в будущем подобный шедевр вряд ли удастся достать, так что радоваться нужно и этой единственной парсуне.

Он велел своему приемному сыну устроить для Се Ина пир, а сам, даже не отдохнув, уложил свиток с небожителями в шкатулку и поспешил во дворец, чтобы поднести картину Сыну Неба Чэнхуа.

Ныне правящий государь страдал заиканием и говорить не любил. Увидев, что евнух пришел с подношением в совершенно не праздничный день, он нахмурился и медленно спросил:

— Почему... именно сегодня?

Гао Лян ничком склонился и с глубочайшим почтением произнес:

— Ваш ничтожный раб случайно обрел сию божественную картину и, опасаясь, что его подлый чин не достоин долго хранить ее, поспешил принести ее вам, император.

Он развязал шнурок на свитке, слегка приоткрыл полотно и с подобострастной улыбкой спросил:

— Взгляните, император, разве Нефритовый император на этой картине не имеет удивительного сходства с вами?

Сходства, правда, видать не было, однако Нефритовый император и впрямь выглядел величественно и исполнен строгого достоинства: очи сияли живым блеском, аккуратная борода из трех прядей спадала на подбородок, выказывая истинное величие владыки бессмертных. Чуть ниже, за пиршественным столом, восседал чистосердечный и милосердный досточтимый Будда. Картина представляла собой удивительное единение буддизма и даосизма, исполненное гармонии и веселья.

Император Хунчжи и сам в свое время написал картину «Полная гармония», проповедуя единство трех учений, и, увидав столь необычный сюжет, изумленно спросил:

— Что... что это за свиток?

Щеки Гао Ляна слегка вспыхнули, глаза заблестели небывалым огнем. Опустив голову, он ответил:

— Сие полотно зовется «Собрание умиротворения Небес». На нем изображен пир, где все божества и будды празднуют великое процветание и покой в Поднебесной. Небу было угодно, чтобы сия картина попала в руки вашего раба, и он не смел медлить ни мгновения, тут же передав ее в руки императора.

Государь медленно развернул свиток до конца, охватывая взглядом всех дев-небожительниц, небесных чиновников и божественных воевод, и с легким вздохом произнес:

— «Собрание... умиротворения... Небес»? Хорошая картина. И... прекрасный знак! Похоже, моя Поднебесная и впрямь достигла... достигла эпохи мира и процветания. Ступай, получи награду. И тому, кто написал ее, тоже пожалуй...

Гао Лян поспешно пал на колени, вознося благодарность, после чего принял сожалеющий вид:

— Повелитель, ниспошлите прощение! Тот живописец — ученый-отшельник. Он лишь велел передать эту картину, сказав, что на ней изображен Праздник Умиротворения Небес, а сам с тех пор как сквозь землю провалился!

Император Хунчжи взглянул на него пристальным, глубоким взором, словно насквозь видя его душу.

Гао Лян даже не поднял головы и, точно репетировал эти слова тысячи раз, бойко и естественным тоном проговорил:

— Ваше Величество, взгляните на божеств и будд на этой картине! Они выглядят так, будто истинные небожители ступили на полотно. Из этого видно, что и сам живописец — далеко не обычный человек. Должно быть, сей мудрец лишь воспользовался руками ваших слуг, дабы поднести картину вам, император, и поздравить Великую Мин с тысячелетиями процветания, а вас — с незыблемостью поднебесной державы. К тому же он — отшельник, отрешившийся от мира. Подарив свиток, станет ли он снова встречаться с такими невежественными и мирскими созданиями, как мы?

Начальник уезда Ци торопился изо всех сил и всё же успел до наступления двенадцатого месяца завершить отделку Публичной библиотеки уезда Цяньань и вырезать каменную стелу со списком благотворителей. Библиотеку официально открыли двадцать седьмого числа одиннадцатого месяца.

Отчеты о делах уезда составлялись ежемесячно и отправлялись в управу округа. Библиотека

открылась в одиннадцатом месяце, а значит, в двенадцатом правитель округа уже пришлет людей проверить его чиновничьи успехи. Имея за плечами построенную библиотеку и четырех образованных цзюйжэней в своем уезде, ко времени великой новогодней аудиенции, когда Министерство чинов станет проводить аттестацию, вышестоящие начальники, приняв во внимание библиотеку и четырех цзюйжэней, наверняка замолвят за него пару добрых слов.

За весь срок службы он трудился усердно и неустанно, заботясь о народе, так что клеймо «алчного или жестокого» ему не грозило. Он был еще не стар, полон сил и здоровья, так что и обвинений в «дряхлости или болезненности» можно было не опасаться. Если только он не попадет под остальные четыре статьи аттестации — «неспособность, небрежность, легкомыслие или недостаток таланта», — из-за которых лишают должности или отправляют в понижении на периферию, то наверняка сможет благополучно отслужить еще один срок в должности начальника уезда. К тому времени последствия позапрошлогоднего наводнения окончательно сойдут на нет, и уж тогда-то он точно покажет еще более впечатляющие результаты!

Начальник уезда Ци был полон честолюбивых замыслов. С самого утра он прибыл в ямынь, бегло просмотрел бумаги и вместе с подчиненными отправился в Публичную библиотеку уезда Цяньань, чтобы возглавить торжественную церемонию открытия.

В библиотеке уже заготовили хлопушки, шелковые ленты и пригласили музыкантов. Ворота подворья украсили красным и пестрым убранством — все ждали лишь прибытия главы уезда. Господин Линь тоже давно знал об этом торжестве, потому устроил в школе выходной и вместе с учениками пришел посмотреть на праздник.

Цуй Се прибежал сюда сразу после утренней тренировки по боевым искусствам. Не успел даже пот со лба высохнуть, как он накинул капюшон для защиты от холодного ветра, так что бровям и глазам пришлось спрятаться за пушистой меховой оторочкой. Однако кожа у него была ослепительно белой, а осанка — статной и стройной, закаленной в военных упражнениях. В своей подбитой лисьим мехом дохе, крытой темно-зеленым шелком, он казался стройным зеленым бамбуком, где бы ни стоял. Пусть даже он кутался, словно цзунцзы, он всё равно оставался самым заметным человеком в толпе.

Начальник уезда Ци вышел из паланкина и с первого взгляда заметил его в толпе у входа в библиотеку. Поманив его рукой, он мягко спросил:

— Почему ты пришел так рано? Сегодня побудешь возле меня. Когда повесят вывеску, предстоит еще воздвигнуть стелу.

Библиотека создана, а в будущем можно будет попросить Цуй Се высечь на стеле «Записи о строительстве библиотеки уезда Цяньань» и издать их отдельной книгой вместе с его прежними сочинениями — так его талант и устремления точно не пропадут даром.

Начальник уезда Ци погладил редкую бороду. Убедившись, что все почтенные жители уезда собрались, он произнес короткую речь на холодном ветру. Вслед за этим повесили вывеску, загремели хлопушки, а музыканты заиграли изысканную музыку.

Погода в тот день, как по заказу, стояла ясная и погожая, а в помещении так усердно натопили печи, что переступившие порог люди ощущали даже некоторую духоту. Цуй Се снял плащ, сжал его в руках и, следуя за начальником уезда Ци, обошел все читальные залы, помогая представлять собранные книги.

Книжные ярлыки и печатные знаки на оборотах томов тоже были разработаны с его помощью

— простые и легкие для запоминания. На полках стеллажей наклеили ярлычки соответствующих цветов и символов, а на стене повесили сравнительную таблицу, так что каждый читатель мог без труда найти нужный том.

Собравшись по учебе тут же начали доставать и листать книги, наперебой восхваляя начальника уезда: мол, он печалуется о том же, о чем и ученые мужи, и любит то, что дорого народу, создав в уезде место для просвещения нравов и помощи учащимся. Вся эта хвала звучала привычно, но на сей раз — от чистого сердца. Книги в те времена являлись редчайшей ценностью; да и в обычных семействах имеющиеся фолианты берегли за семью печатями и никому не давали читать. Кто, кроме отпрысков знатных родов и богатейших купцов, видел такое изобилие книг?

То, что начальник уезда сумел собрать столько книг и позволил людям читать и переписывать их даром, стало великим благодеянием для всех учащихся и семей, где были студии.

Начальник уезда Ци давно привык к лести и похвале, так что сразу улавливал искренность в словах. Улыбка на его лице становилась всё шире. Слегка кашлянув, он привлек к себе внимание собравшихся и с улыбкой произнес:

— Осталось сделать еще одно дело. Как только закончим, писари зарегистрируют ваши личности и выдадут читательские билеты. Впредь каждый из вас сможет приходить сюда и читать книги в любое время или оформить абонемент и брать книги домой.

«Ага, значит, за это придется заплатить!» — поняли гости. Пощупав кошель на поясах и денежные мешочки в рукавах, они — кто со спокойной душой, а кто с трепетом — пошли за ним во двор.

Прежние деревья и цветы во дворе убрали, а большую часть площадки вымостили синим кирпичом. У западной стены посадили две старые изогнутые сосны, символизирующие стойкость — согласно изречению «лишь в лютую стужу узнаешь, что сосна и кипарис увядают последними». С северной же стороны росла коричная липа с густой кроной, которая в этот холодный сезон стояла с осыпавшейся листвой; она тоже служила благим пожеланием — «сорвать коричную ветвь в лунном чертоге», то есть успешно сдать государственные экзамены.

<http://bllate.org/book/18372/1761314>